

Как молоды мы были...

Не только физики шутили

Николай ДОРОЖКИН

Когда-то в СССР были популярны книжки «Физики шутят» и «Физики продолжают шутить». Да, люди в научных колледжах, как правило, обладали чувством юмора и всегда были готовы к шуткам и розыгрышам, причём освоение «научного» юмора начинались ещё в студенческие годы. Я проходил курс наук в Томском университете, на физико-техническом факультете (ФТФ). Лекции по некоторым предметам мы слушали вместе со студентами физического и радиофизического факультетов (ФФ и РФФ). Разница в том, что студенты ФФ и РФФ были рафинированными физиками, а мы, ФТФ, будущие специалисты по артиллерийской и ракетной технике, считались просто технарями. Но все мы очень любили шутки, розыгрыши и вообще всякие хохмы. В студенческой среде известие о каждой удачной хохме разлеталось со скоростью звука.

Помню, какой восторг вызвало сообщение о студенте-радиофизике, который, конспектируя лекции, периодически переходил на поэтическую форму. Например, в записи лекции по теории колебаний были такие строки: «Пусть пружину имем (вместо имеЕм – Авт.) / Подвесим к ней груз массой М / Приведём пружину в движение / И запишем такое уравнение...». А описание работы электронных ламп – диода, триода и т. д. – выглядело так: «Подогранный наш катод / Электроны выдаёт, / И летят они оравой / Не налево, не направо / – На анод / Если сетка на пути, / Электронам не пройти, / И пространственный заряд / Возвращает их назад».

Иногда случались комические ситуации прямо на занятиях. Молодая преподавательница Вероника Иванова, читая лекцию по теореме, предложила нам записать принцип Сен-Венана. Кто-то из группы задумчиво произнёс: «Сен-Венан... Интересно, кто такой – немец, американец?» Не

спела Вероника ответить, как я высказал вслух свою гипотезу: «Скорее всего, он – бурят!» «Ой, ну почему же бурят? – Искренне изумилась преподавательница. – И совсем даже не бурят...» «А что, вы считаете, что бурят не может сформулировать этот принцип?» – вызываясь вопросом мой сосед, баргузинский казак, и уставился на Веронику бурятскими глазами. «Ну что вы, я совсем не это хотела сказать... Просто Сен-Венан был француз. А буряты – тоже очень талантливы народ!» «Вот именно!» – торжествуя заявил представитель очень талантливого народа (кстати, Сталинский стипендиат!).

Как-то на семинаре по политэкономии ведущий обратился к студенту, который, листая учебник, нервно озирался по сторонам: «Отложите книгу и объясните нам, что такое товар?» Захлопнув толстый том, спрошенный быстро поднялся и чётко продекламировал: «Товар – это продукт, произведённый для продажи, именно для продажи, а не для чего-либо другого, потому что если бы он был произведён для чего-нибудь другого, а не для продажи, он не был бы товаром, то есть продуктом, произведённым для продажи!» На это доцент восхищённо покрутил головой: «Вот даёт! Ладно, ставлю вам плюс – за находчивость!»

А на семинаре по истории КПСС, когда рассматривался вопрос межнациональных отношений, преподаватель посмотрел студента, погружённого в решение шахматной задачи. Подойдя к нему неслышно, доцент громко произнёс: «А что скажет по этому вопросу товарищ гроссмейстер?» Гроссмейстер, сделав очередной ход, встал и уверенно отчеканил: «Солидаризируюсь с марксистской концепцией, я вынужден констатировать, что эфемерный конгломерат этнографических групп не стимулирует их консолидации!» Ошеломлённый преподаватель растерянно пробормо-

тал: «Спасибо, достаточно...», поставил в ведомости плюс и больше никогда шахматиста не беспокоил.

Была у нас в группе неразлучная пара – мой друг Ш. и его подруга Е. Как-то, сидя позади будущих супругов, я обратил внимание на некоторую диспропорцию их фигур: таз у Ш. оказался шире, чем у Е. Я тут же выразил это формулой: $\omega_{ш} > \omega_{Е}$. Реакция была неожиданной: Ш. закатился хохотом, а Е. посмотрела на меня с обидой.

Иногда хохмы получались невольны. Дежурный по студенческой коммуне купил большой кусок мяса и повесил его в аэрозоль за окном (холодильников не было). Вечером, открывая форточку, он нечаянно уронил ценный груз и бросился за ним на улицу, но, пока бежал с пятого этажа, пропажу уже кто-то подобрал. Разозлённый неудачей, парень вбежал в комнату с криком: «Хрен вам, а не мясо!» – и с ужасом обнаружил, что в комнате – девчонки. Ошибся этажом... А его эмоциональное выражение быстро стало ходячим. Фольклор, однако!

Учёба заканчивается получением диплома и направлением на работу. Но люди-то остаются прежними. И юмор никуда не девается. Хохмы продолжались и на рабочих местах. Иногда забывалось, кто авторы и участники розыгрыша, но сама хохма запоминалась надолго и обростала мифическими подробностями. Расскажу несколько таких историй, не называя предприятий, подразделений и фамилий участников.

Молодому инженеру Д. пришлось временно углубиться в экзотическую для механиков отрасль – химию растворов. Обложился справочниками, стал консультироваться у химиков... Начальник смежной лаборатории С., большой любитель подковырок, как-то спросил: «А ну, химик, известно ли тебе самое вонючее вещество?» – «Наверное, сероводород?» – «Эх, ты! Ни фиги не знаешь...». «Не знаю, так узнаю...» –

пообещал Д. и через некоторое время положил на стол вредного С. выписку из справочника с характеристикой метилмеркаптана – зловонной жидкости, нескольких молекул которой на стене просторного помещения достаточно, чтобы сделать невыносимым пребывание там людей. А рядом поставил маленький флакон с прозрачным раствором. «Держи!» С. прочитал выписку и покосился на флакон: «Молодец! А теперь уходи эту гадость...» – «Но я тебе его дарю!» – «Спасибо, не надо. Убери сейчас же!» Д. «эту гадость» забрал, но время от времени заходил к С. и грозился открыть флакон. Слухи об «ароматизаторе» дошли до начальника Д. Шеф вызвал его «на ковёр»: «Что это за безобразие? Где у вас эта отравка?» – «Вот она...». – «Это действительно такое вонючее вещество?» – «Да это обыкновенная водопроводная вода...» – «Ну и шутки у вас!»

В одном отделе создавался новый сектор, и администрация решила, прежде чем обращаться на склад за мебелью, проверить, нет ли в других подразделениях свободных столов. Помощник начальника отдела (сокращённо «пом») двинулся в обход. В секторе «Икс» как раз имелся свободный стол, но отдавать его не хотели. Что делать? Идея пришла неожиданно... И вот, пока «пом» ходил на обед, за этот свободный стол усадили «монстра» – макет человека в натуральную величину. Его сделали на скорую руку: несколько рулонов из старых плакатов, вешалка типа «плечики», графин вместо головы, чьи-то брюки для стройки, кирзовые сапоги, синий рабочий халат. Графин обернули розовой миллиметровкой, приклеили нос. Нацепили тёмные очки. Надели зимнюю шапку. На руки – брезентовые рукавицы. Развернули осциллограмму, дали в руки циркуль и логарифмическую линейку. Всё – «сотрудник» готов!

Тот факт, что «пом» не обратил внимания на «монстра», показал, что идея была правиль-

ной. Главное, что стол был спасён. Но вот разбирать «монстра» сотрудники не спешили. Напротив, довели его до такого вида, что, если не присматриваться, это чудело действительно можно было принять за человека. А через некоторое время вокруг монстра начали возникать проблемы.

Первой взбунтовалась машинистка, которая приходила раньше всех и открывала комнату. «Не хочу! Я захожу, а он тут сидит и молчит... И больше никого. Больше не буду первая приходиться!» Потом стали интересоваться женщины из соседних секторов: «Что это он у вас никогда не встаёт и не выходит?» Им объяснили, они нервно посмеялись, но впредь в эту комнату старались заходить пореже.

Больше месяца сидел «синий монстр» в секторе. Но вот в отдел пришла комиссия по культуре производства. Явилась и в эту комнату. С культурой всё было в порядке, и комиссия направилась к выходу. Но тут замыкавшая шестые председательница комиссии остановила взгляд на чуделе. Замерла на минуту, охнула и бросилась догонять своих коллег. Начальник сектора скопировал: «Чудело убрать!» И монстра мгновенно перетащили за шкафы. Когда женщина вернулась, стол и стул из-под чудела были уже свободны.

«Извините, но у вас тут только что сидел... необычный человек!» – приступила дама к начальнику. «Ну, у нас вообще много необычных людей». – «Да нет, вы меня не так поняли... Это был... не живой человек». – «Робот, что ли?» – «Не робот, а... типа макета... да вы не думайте, я же неофициально! Я тоже люблю такие... шутки». «Какие могут быть шутки в рабочее время?» – держал свою линию начальник. Дама ушла озадаченной. Монстра на всякий случай тут же разобрали...

Возможно, шутки технарей были не столь тонкими и рафинированными, как у физиков-теоретиков, а более, что ли... артиллерийскими, но реакцию всегда вызывали самую живую. И до сих пор вспоминаются ветеранам...

Наука и поэзия

Владимир РОГАЛЁВ

Родство

Завидую я тем поэтам,
Дано которым от Него
Стихом играть, жуя при этом,
Кругом не видя ничего.

А я – технарь закоренелый,
На мир сквозь формулы
гляжу,
И стих рожая неумелый,
Хорей я в ямб перевожу.

Но что-то нас объединяет,
Роднит нас некая напасть,
Корёжит изнутри, ломает,
Сосёт нас творческая
страсть.

Конструктор

Я не летаю на ракете,
Люблю ходить я по траве,

Работаю я в кабинете,
Ношу ракету в голове.

Она красивая такая,
Сигарой рвётся в небеса,
Огонь потоком извергая.
Моё создание. Чудеса!

Но не красу, а наказание
И смерть нести должна она,
Недаром ей дают название,
Страшней не скажешь:
«Сатана».

Создать оружие такое
Не просто в пятилетку,
две.
Ни днём, ни ночью нет
покоя:
Кишат идеи в голове.

Зато, когда я отдыхаю,
Когда смотрю я КВН,
Уверен я, я твёрдо знаю:
Надёжен щит РВСН.

Александр СЫТИН

Уже мы стольким
отличились,
к Луне подняв земную речь!..
Мы лишь себя не научились
ни знать, ни помнить,
ни беречь.
Густеет воздух в мегагерцах.
Моря от техники рябы...
Но как нестойко наше
сердце!

Как наши лёгкие слабы!
Мы удлиним жизнь
моторам,
любой предвидя их каприз –
не сердцу нашему, в котором
всё раньше остывает жизнь...
Хитро ль не вынести
разбега?

Кого же тщимся обмануть?
И не пора ли мудрость века
на Человека повернуть?

Отчёты, планы – некогда
всегда.
Эксперименты – ждёт бригада
дружная.
Но – молния сверкает
иногда.
Какая мысль!
Какая тема нужная!
Но – ждут на конференции.
И в дом вернувшись,
до бумаги не дотянешься.

Жена ведь тоже трудится,
о том
ты помнишь, потому на кухне
маешься...
И вот однажды развернув
журнал
или газету пробежав
глазами,
застонешь: ты недавно
не сказал...
Ты мог бы лучше!
Но уже – сказали.

ОБ АВТОРАХ

Владимир Георгиевич Роголёв окончил Томский политехнический институт и Военную академию связи. Служил в ГРУ. Полковник в отставке.

Александр Иванович Сытин – выпускник Казанского университета (физико-математический факультет), инженер-ракетчик. Работал в НИИ-4 и ЦНИИмаше. Лауреат премии им. Дмитрия Кедрина «Зодчие». Член Союза писателей России.